

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

РУССКАЯ ПРОЗА

К Н И Г И
ГРИГОРИЯ РЯЖСКОГО

Подмены
Музейный роман
Колония нескучного режима

Григорий Ряжский

КОЛОНИЯ
НЕСКУЧНОГО
РЕЖИМА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Р 98

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-11445-6

© Г. Ряжский, 2016
© Оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

*За оказанную помощь в ходе работы над романом
автор выражает искреннюю признательность
профессору Михаилу Евгеньеву, генетику;
Юрию Кобаладзе, ветерану разведки;
Александрю Цигалю, скульптору, академику РАН*

КНИГА ПЕРВАЯ

ПАСТУХ
ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА

Часть 1

Если бы не обильно разросшиеся за последние годы три куста белого жасмина, посаженные в конце двадцатого столетия Кирой Богомаз вместе с сёстрами Прис Иконниковой-Харпер и Триш Харпер-Шварц, урождёнными Присциллой и Патрицией Харпер, то первый этаж дома покойного Юлия Ефимовича Шварца вполне мог быть различим, если смотреть на него из мастерской дома Иконниковых, из единственного двухсветного окна, что выходит на юг. То обстоятельство, что при явной нехватке рабочего пространства оконный проём никогда не перекрывался стеллажами, вполне соответствовало порядку, заведённому Гвидоном Матвеевичем Иконниковым относительно того, как, где и с какой целью должны располагаться плоды многолетних трудов академика-скульптора. Что касается второго этажа дома напротив, стоящего через глиняный овраг, то он уже не просматривался вовсе из-за непомерно разросшейся лесной ёлки, которую Гвидон Матвеевич помнил ещё пахучим саженцем, воткнув её в пятьдесят пятом вместе с Юликом в грунт перед ещё не до конца разобранный к тому времени Парашинной избой. Той самой бабкиной избой, в которой они поселились, объявившись в первый раз на этих глиняных землях. Само место посадки оказалось вполне удобным для небольшого палисадничка, как раз перед будущим домом. Корни саженца они присыпали привезённой из Хендехоховки

землицей и обильно полили бурой жижей из глиняного оврага — для лучшего привыкания ёлки к условиям местного произрастания. Хендехоховка располагалась от их Жижы километрах в полутора, не дальше, но грунт там был уже иным, совсем не похожим на жижинскую глину, и тогда, помнится, оба они, прихватив мешки, лично сшитые Гвидоном из остатков подрамниковых холстов, притащили на своих молодых плечах правильную лесную земельку, не глину, а ровно то, что было нужно для ёлки и двух красавиц-сосенок. Так захотел Юлик, а Юлик был лучший друг. Самый лучший. Юлик был родной Гвидону человек. А Гвидон — Юлику. И потому их общий дом непременно должен был строиться именно здесь, не на «правильной», добротной и плодоносной земле Хендехоховки, а в этой незатейливой деревеньке со смешным названием Жижя, чтобы начать в нем совместную негородскую жизнь, на лучших среди всех территорий Советского Союза глиняных почвах.

Вообще-то, деревни с названием Хендехоховка как таковой не существовало никогда, деревня называлась Большие Корневищи. Такое странное немчурское название деревне насильственным образом присвоили жители Боровского района, где располагались и Большие Корневищи, и сама Жижя. В сорок первом, когда фашист уже, казалось, невозвратно стоял на подступах к этим землям, корневищенцы собрались на сход и разом, не выторговывая у самих себя и не скрывая накопившихся за двадцать лет чаяний, порешили, что немцу на этой земле — быть. И что не воевать будут корневищенцы и не партизанить против Ганса, а встречать его хлебом-солью. Против неуверенно высказался лишь председатель сельсовета, но именно он для сельчан и был самый страшный фашист, самый лютый враг. Председатель был избит тут же, на месте сельского собрания, где и скончался к финалу обсуждения; впоследствии так и не была выяснена истинная цель того смертоубийства: ненависть к влас-

ти в лице неуверенного в себе председателя или уважение к силе в лице надвигающегося фашиста.

— Не хочу я жить в этой Хендехоховке, — жёстко сказал тогда Юлик. — Не хочу и никогда не буду.

Гвидон спорить с другом не стал, тем более что и сам испытывал вполне ощутимое неудобство от одной мысли, что жить придётся в предательской деревне. К тому же понимал: оба теперь станут ближе к чуждым глинам, из-за которых, собственно, и занесло их незадолго до войны сюда, в Калужскую область, году в тридцать девятом, в смешную эту деревню, сгоревшую под старинным Боровском. Тогда они, московские однокашники, заканчивающие десятый класс, наткнулись в Большой советской энциклопедии на слово «глина», после чего резко изменили летние планы, запасли продуктов и умотали сразу после экзаменов туда, где, как они выяснили, всё ещё числился в недохороненных народный промысел изделий из глины. Оба напросились на постой к первой встречной жижинской тётке по имени Параша, практически за так, за кулёк московской карамели «Гусиные лапки» и блестящую коробочку довоенного ландрина. И начали лепить. Глину месили руками и негодными лопатными черенками как умели. Станок гончарный в виде круга смастерили тоже кое-как, наспех — так хотелось обоим скорейшего воплощения образа из глины. В это лето им повезло — дождей почти не было, и потому почти ровно надвое рассекающий деревню овраг, откуда местные умелые мужики отбирали лучшую по качеству глину, был в течение двух месяцев пребывания друзей едва влажный, в отличие от прежних лет, когда лопаты вязли в глине и гончарам приходилось добывать ценный продукт, стоя по пояс в бурой жиже, что и послужило в давние времена поводом назвать поселение именно так — Жижка.

Первый горшок обжигали у той же Парашы, в русской печи, попутно с варкой кислых щей и картох для бабкиного поросёнка. Изделие получилось не очень.

Вышло нечто дырявое, бесформенное, неустойчивое и очень твёрдое. Но это обнадёжило настолько, что уже через год оба подали документы в Московский художественный институт имени Сурикова: Гвидон — на факультет скульптуры, Юлик же, ни секунды не сомневаясь, выбрал живопись.

— Горшок отбрасывает тень, — сообщил он Гвидону, — а тень — не менее важный объект творчества, чем сам кусок глины.

Гвидон, усмехаясь, не соглашался:

— Тень не поставишь вертикально и не придашь ей объём. Я не хочу додумывать объект, я хочу создавать предмет руками, так, чтобы можно было его пощупать, похлопать по спине и поковырять пальцем...

Живописать тени всех цветов, форм и размеров, как и ваять плоды своих первых гипсовых опытов, каждому из друзей пришлось недолго — чуть меньше года. Конец июня сорок первого застал ребят в той же Жижее, летние поездки в которую, с девушками и без оных, обещали стать регулярными для обоих. Отдых совмещался с получением начального опыта в станковой живописи для студента-живописца Шварца и предметными теперь уже исследованиями твёрдого и мягкого материала для скульптора-первокурсника Иконникова.

Первой самостоятельной работой Гвидона стало скульптурное изображение обыкновенного конского копыта. Для начала пытливый Гвидонов глаз выхватил из полутьмы бабы-Парашиной избы ржавую подкову, прихваченную кривым гвоздём над дверной притолокой, на счастье. Гвидон сдёрнул её и осмотрел. Мысль примастерить к подкове недостающее звено в виде глиняного копыта так, чтобы получилось законченное скульптурное произведение, пришла сразу. Копыто Гвидон лепил основательно и неторопливо. Потом так же неспешно и терпеливо в несколько слоёв покрывал произведение эмалью. Затем, опасливо подерживая нужный градус, запекал уже эмалевый ва-

риант всё в той же печке у бабки Параши. Получившийся результат приятно удивил не только самого автора, но и вечно критически настроенного друга. Юлик повертел остывшее копыто в руках, ковырнул пальцем гладкий бок копыта и саркастически произнёс:

— Осталось приделать к нему лошадь. А к лошади — седока. — Затем, усмехнувшись, добавил: — Но начнём с подковы. Где тут у нас гвоздики?

Кончилось всё, как и следовало тому быть, — первый же гвоздь, неумело вогнанный Юликом в колкую глину, разбил копыто на две неравные части. Трёхслойная эмаль, так осторожно, послойно запечённая Гвидоном, осыпалась вдоль линии раскола, оставив под собой неровный, острый край. Гвидон молчал, тупо уставившись на обломки копыта в Юликовых руках. Затем резко повернулся и, не говоря ни слова, направился в избу. Пахло яблоневым цветом из сада и бабы-Парашиным поросёнком из амбара. Накануне прошли обильные дожди, и глиняный овраг почти до половины был заполнен слабо-коричневой жижей. Вокруг гудели мухи, жижу лениво рассекали две утки и штук двадцать пугливых утят. Юлик встал с корточек и подумал, что никогда он ещё так не любил Гвидона, как сейчас. Ещё подумал, что хорошо бы копыто склеить — так, чтобы не осталось и следа по линии разлома. Эмаль восстановить, немного запечь — и порядок! А вообще-то, он, конечно, сволочь, — эта мысль уже относилась к самому себе. Он снова улыбнулся, но теперь уже тому, что молод, что талантлив, что жижинский воздух принёс в его ноздри такой смешной, как само слово «жижа», аромат молодого кабанчика и будущих яблок и что жизнь у них с Гвидоном только начинается, но ясно, что никакие обиды и никакие копыта не смогут никогда их разлучить и что их жижинской глины хватит Гвидону на несколько жизней, если, конечно, он не передумает лепить из неё всякую смешную дрянь...

Именно в этот момент, пока Юлик Шварц додумывал окончательную версию совместного счастья, жижинская баба Параша и включила радиоточку.

«Граждане и гражданки Советского Союза...» — раздался голос Левитана, непостижимым образом зависая между амбаром и глиняным оврагом. Далее шло сообщение о том, что «сегодня, в пять часов утра, германские войска, без объявления войны, нарушив западные границы Советского Союза, вторглись на территорию приграничных областей, нанося бомбовые удары по городам...».

Юлик замер, где стоял, держа по полкопыта в каждой руке. Из избы вышел Гвидон. Высокий, худой, с редкими перьями природной седины, хаотически разбросанными по волосам. Внезапно Юлик увидел, как интенсивно бьётся жилка у правого виска друга, и подумал, что никогда прежде не подмечал у него такой интересной особенности. И ещё подумал, что всё это, конечно же, Гвидонов глупый розыгрыш в отместку за расколотое копыто, но как он смог так раскатистобасисто подделать самого Левитана? Особенно когда финально пробасил: «...Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Гвидон резко подошёл, не глядя в глаза, вырвал обломки копыта из Юликовых рук, размахнулся и изо всех сил зашвырнул в глиняный овраг. Просвистев в воздухе, они упали где-то ближе к середине оврага и, пустив два мутных круга, ушли на самую вязкую глубину. Утки шарахнулись в сторону вместе с пугливым потомством и энергично погребли в сторону берега. Гвидон проводил уток взглядом, отряхнул руки и, глядя в затихающие на жиже круги, сказал:

— Хватит. Наигрались в игры. Воевать поеду. Ты со мной? — и ушёл в избу собирать вещи.

Юлик нагнулся и поднял с земли упавшую ржавую подкову. Покрутил её в руках и направился вслед за другом. Зайдя в избу, повесил её на старый гвоздь, откуда взял. И снова загудели притихшие на миг жи-

жинские мухи. И вновь потянуло яблоневым цветом. И запахло молодым кабаном. И тогда Юлик отчётливо понял: это война!

Отец Присциллы Харпер, Джон Ли Харпер, происходил из рода Харперов и потому отличался идейностью. Дед Присциллы — соответственно, отец Джона Харпера — сэр Мэттью Ли Харпер истово и честно в течение долгих лет служил королевскому британскому двору в качестве персонального советника её величества королевы Елизаветы в области изящных искусств. При этом сэр Мэттью имел государственное содержание, одновременно успевая получать регулярное финансовое вспомоществование от двора его королевского величества в знак особого расположения к нему супруги царствующей особы. Таким образом, семья не то чтобы не нуждалась во все времена дедушкиной службы на престол, включая трудные для всей нации годы, но и позволяла себе тратить средства на обучение и идейное воспитание детей, что со временем стало неотъемлемо-отличительной чертой всех последующих Харперов. Усилия не пропали даром. Поначалу выпестованная отцом семейная идейность привела молодого Джона Ли Харпера к армейской карьере, в ней он продвигался быстро, но недолго. Высшая гармония требовала высших проявлений ума, воли и тяги к совершенному. Иными словами, через самое короткое время сын обладателя Рыцарского креста очутился в службе внешней разведки Соединённого Королевства, откуда продолжил стремительный карьерный рост. В возрасте тридцати четырёх лет, то есть к моменту появления на свет в 1934 году горячо любимых дочек-близнецов Присциллы и Патриции, Джон успел завоевать в своих кругах репутацию крепчайшего профессионала в области окучевания носителей русской научно-технической и инженерной мысли. Не забывались при этом и жёны «носителей», с удовольствием принимавшие комплименты, приглаше-

ния на светские рауты и подношения от импозантного сотрудника Торгового представительства, специализировавшегося на заключении сделок по поставкам сельскохозяйственной техники. Не исключались и вынужденные пронзительно-скоротечные романы «сотрудника» с «нужными» жёнами с целью последующего шантажа мужей.

Взяли «представителя» в Краснодаре местные контрразведчики. Замели, в общем, случайно, на ерунде. На профилактике. Сами не ожидали подобного результата. Просто однажды одна из липовых «тайных» инструкций, направленных для ознакомления ведущим сотрудникам советского оборонного ведомства, всплыла в одной из британских разведок, где её зафиксировал глубоко законспирированный советский агент. Тот предположил три канала проникновения дезинформационного материала, один из которых явно базировался на контактах по линии торгового сотрудничества. Чекисты провели проверку внешних контактов агентов влияния и членов их семей, выявили среди прочих и те, что носили характер сомнительный, и без особого труда вышли на Харпера. Рыбина, однако, оказалась значительно более крупной и ценной, о чём чекисты не подозревали. Два месяца Джона Ли Харпера вели, но в итоге приняли решение брать, поскольку у того обнаружилось весьма уязвимое место — Элеонора. Контрразведчики прикинули и сообразили, что иметь такую значительную персону под своим крылом гораздо выгоднее, чем бегать вокруг него с микрофотоаппаратом и подслушкой.

Короче, взяли его более чем бесшумно, вместе с женой Норой, ведать не ведавшей об истинной профессии мужа. Дело было летом предвоенного сорокового года. В это время шестилетние близняшки Присцилла и Патриция, дочери Джона и Норы, проводили лето в имении Харперов в Брайтоне, на побережье, где их еженедельно навещал дедушка, сэр Мэттью, нередко привозя любимым внукам гостинцы от детей королевского двора.

От советской контрразведки поступило два предложения: вербовка и дальнейшее сотрудничество либо физическое устранение жены. Однако при принятии первого варианта Нора Харпер остаётся заложницей в чужой стране. Ей будет предоставлен уютный особняк на Черноморском побережье, обеспечено качественное бытовое и медицинское обслуживание, ей выделят автомобиль европейской марки с круглосуточным водителем. Также будет видеться с дочками, которых сможет привозить для отдыха в Сочинский район, в Хосту, её законный супруг Джон Ли Харпер, новый сотрудник советской разведки. Ну а соответствующая легенда о причине такого затяжного проживания Норы Харпер на черноморском берегу уже разработана и предельно детализирована, так что не вызовет сомнений у британской разведки. Это уже наша забота, заверили Харпера в органах.

Харпер согласился сразу, после первого же разговора. Надо сказать, беседа носила весьма доброжелательный и разумный характер, несмотря на всю чудовищность второго варианта. И этого Джон Ли Харпер, как профессионал высокого класса, не мог не отметить. Немаловажную роль в перевербовке Джона сыграл сам факт начавшейся Второй мировой войны.

— Да, мы принадлежим к разным социальным системам, — заверяли Харпера чекисты, — но перед лицом мировой опасности мы все должны сплотиться, чтобы противостоять единому врагу, и потому призываем вас, уважаемый мистер Харпер, как истинного патриота, принять верное решение, внося свой вклад в дело будущей победы над фашистской заразой.

— Но я бы мог быть не менее полезным в этой борьбе, оставаясь на своём месте и продолжая трудиться в британской разведке, — искренне удивился Джон подобной постановке вопроса.

— Вы и останетесь, — заверили чекисты англичанина, — просто трудиться теперь мы будем вместе, каждый на своём новом направлении. Поймите и нас,

Джон, мы просто обязаны быть в курсе планов английского правительства в отношении Германии. И конечно же, мы и вы — ближайшие союзники в самом скором будущем, и ваш мудрый Черчилль, безусловно, свой выбор сделал давно. Просто мы несколько опережаем события во избежание лишних, неоправданных потерь. Что вас так смущает, Джон?.. И Норе... вашей жене... будет гораздо спокойней... И питание там отличное, всё самое свежее, и море под боком, не так ли? Вам ведь не наплевать на её здоровье, верно?

Странно, но именно после этой удивительной для разведчика беседы в стенах НКВД Джон Ли Харпер, идейный наследник своего идейного отца, самым тесным образом приближённого ко двору его величества, принял решение, о котором, как ни странно, не пожалел и в котором не раскаялся до самого конца жизни. Выпестованная рыцарским усердием крестоносного родителя идейность осталась при Джоне, однако просто поменяла знак на противоположный. Так агент британской разведки Джон Ли Харпер, сын сэра Мэтью Ли Харпера, без особых усилий раскрытый и завербованный чекистами российского Юга, в силу чьего-то повышенного служебного рвения или же просто по чьему-то недосмотру, в одночасье сделался сотрудником советских разведорганов. Таковым стал главный итог воспитания наследника придворным искусствоведом, знатоком искусств изящных и не очень...

Великую Отечественную Гвидон Иконников и Юлик Шварц заканчивали в разное время, но в чём-то их военная судьба получилась схожей. Оба дошли до Берлина: старший лейтенант-артиллерист Гвидон Иконников — в составе подразделения 157-го артиллерийского полка Первого Белорусского фронта и замкомандира сапёрной роты лейтенант Юлий Шварц — в составе сапёрного Гвардейского полка 14-й Краснознамённой дивизии Второго Украинского фронта. У обоих к маю сорок пятого слева позвякивали медальки, какие — жёлтого металла, какие — покрас-

ней, с правой же стороны груди каждый успел навоевать по паре орденов. Гвидон, в отличие от друга, мог похвастаться ещё и нашивкой за ранение. Юлик же в этом смысле оставался чист и здоров, как ранний огурец. К концу войны, не прибавив в росте, изрядно сбавил в весе, щёки ощутимо сдулись, а улыбка и мальчишечья игривость стали по-настоящему хорошими и правильными, без свойственной им ранее чрезмерности.

Именно по этой причине, а ещё за бойкое знание немецкого языка лейтенант Шварц был откомандирован в распоряжение нового коменданта небольшого немецкого города Крамм, где он прослужил ещё полтора постпобедных года замом коменданта, а заодно переводчиком. При наступлении советских войск, в самом конце апреля сорок пятого, город подвергся чудовищной бомбардировке тяжёлыми советскими бомбардировщиками, после чего, в силу предпобедной лихорадки, командованием был отдан приказ о дополнительной артподготовке перед последним наступательным рывком Красной армии. Необходимости в этом уже не было никакой, город и так стоял в руинах, сопротивление отсутствовало напрочь, население попряталось, остатки немецких солдат разбежались по округе. Воевать было некому.

— Огонь! — кричал заряжающему сквозь грохот канонады старлей Иконников, выполняя дурной приказ. — Огонь, мать их в дышло!!! — И они давали этого огня столько, сколько было не нужно.

Так чистенький, ни в чём не виноватый старинный Крамм был окончательно стёрт с лица земли усилием Гвидонова батальона. На другой день армия безостановочно миновала руины, даже не зайдя в город. Всем хотелось немок, победы и подарков домой. Но был всё же перед очередным приказом о наступлении короткий перекур: на всё про всё — часа полтора. Именно в этот быстрый промежуток между увядающей войной и убитым миром старлей Иконников, оседлав баталь-

онный «виллис», совершил одночасовой марш-бросок в Крамм, исключительно с познавательной целью — осмотреть воочию дела рук своих. Увиденное зрелище ужаснуло. И не столько сам факт, что убитый город выглядел абсолютно мёртвым. Другое поразило: на месте центральной площади, в горделивом одиночестве, не тронутый войной, красовался на могучем постаменте бронзовый памятник — всадник на боевом коне, в рыцарских доспехах, с поднятым забралом шлема и с опущенным к земле мечом. Он словно с укоризной смотрел на Гвидона, неслышно вопрошая: «И чего ж ты наделал тут, брат Гвидон?» Иконников подрулил ближе, объезжая развалины, глянул на постамент, выкраивая взглядом из опшметков грязи и битой штукатурки немецкие буквы. Памятник оказался каким-то Фридрихом, не то Великим, не то Двенадцатым, короче — основателем города Крамма. Это стало ясно с первых барельефных знаков, которые удалось рассмотреть. Гвидон задумчиво выпрыгнул из «виллиса», подошёл ближе. И только теперь он сумел заметить, что конь под Фридрихом опирался не на три ноги, а всего лишь на две. Третья, опорная, ровно по уровню копыта была срезана осколком снаряда. И осколок, скорей всего его, гвидоновский, и само копыто, необыкновенным образом напоминавшее смастерённое из жижинской глины, трижды покрытое эмалью Кирьяновской лакокрасочной фабрики и трижды запечённое в горячем зеве жижинской избы, лежали тут же, придавленные куском вырванной из стены кирпичной кладки. Четвёртая нога, приподнятая над землёй, оставалась, по замыслу скульптора, нависать над постаментом. Гвидон протянул руку и потащил край бронзового копыта на себя. Копыто поддалось и неожиданно легко высвободилось из-под кирпича. Теперь старлей держал его в руках, неспешно осматривая со всех сторон. Срез от осколка был совсем свежий и словно просился прилепиться обратно, к привычному месту. Гвидон подул на срез, срывая резким

выдохом остатки руинной пыли, затем потёр срезом о рукав гимнастёрки и медленно стал прилаживать копыто к ноге, осторожно вдвигая бронзовый артефакт обратно в материнское ложе. К его удивлению, копыто встало на прежнее место легко и плотно, и лишь тонкий овражек по линии скола напоминал о недавнем отсечении части лошадиной конечности осколком боевого снаряда.

Иконников посмотрел на часы — его короткая командировка явно заканчивалась — и вновь бросил взгляд на Фридриха: как, мол, тебе, полегче? В этот момент ему почудилось, что Фридрих благодарно улыбнулся в ответ. Гвидон поднялся и стряхнул с себя пыль. Подошёл к «виллису», запрыгнул, завёл движок. Прощально рыкнул двойной перегазовкой, как бы проверяя себя и «виллис» на прочность. Врубил передачу и, не оборачиваясь, произнёс в никуда:

— Ты это... Фридрих... Давай, брат, прости нас... если сможешь. И... и... бывай, в общем...

Гвидон Иконников утопил акселератор в пол и, перемешав прозрачный воздух и синий армейский выхлоп с руинной краммской пылью, отправился в обратный путь, лавируя между островами разрухи по уже продавленной «виллисом» трассе.

После Гвидона первым из русских солдат бронзового Фридриха обнаружил лейтенант Шварц, когда в июне сорок пятого прибыл провести рекогносцировку места своей будущей службы. Обнаружил — в том смысле, что основатель стоял как вкопанный посреди краммских развалин, чудом не заваленный и не перемолотый в крошку Гвидоновыми снарядами из шестидюймовых дальнобойных орудий.

— Оп-па! — неподдельно удивился Юлик и кивнул Федыке на памятник. Пацанского возраста сержант Федыка Сухотерин, водитель трофейного комендантского «опеля», присвистнул:

— И как же он устоял тут, чучело гороховое?

Осторожно повторяя путь, проложенный Гвидоном, они максимально близко подобрались к памятнику. Не вылезая из машины, Шварц сумел разобрать барельефную надпись на бронзе: «Фридриху Второму Освободителю от благодарных жителей города».

— Нет, ну неужели и правда ни царапины? — возмущённо озадачил себя вопросом Юлик, но всё же вышел из «опеля», чтобы убедиться в правоте своего предположения. Да, честно говоря, памятник был хорош собой и поэтому заслуживал детального осмотра, особенно сам он, грустный освободитель, смиренно опустивший меч к земле. Лейтенант уставился на скульптуру, медленно сканируя её взглядом от шлема и до постамента. Тут-то им и был замечен тонкий овражек среза, проходящий ровно над левым передним копытом боевого коня. Юлик подошёл ближе, всмотрелся. Затем протянул руку и попробовал его пошевелить. К удивлению лейтенанта, копыто поддалось довольно легко. Тогда он обхватил ладонью бронзовый копытный бок, сжал пальцы и резко потянул на себя. Копыто выскользнуло из-под лошадиной конечности, словно было смазано по срезу качественным немецким гуталином, и оказалось в руке у Шварца. Тот прикинул вес, покачав бронзу на ладони, и уважительно задрал глаза в небо.

— Кило на пять потянет, не меньше? Да, товарищ лейтенант? — спросил Сухотерин. — А то и на все семь.

Юлик согласно кивнул:

— Никак не меньше, — ещё раз взвесил находку на руке. — Короче, так, Фридрих, реквизирую! Гут? — обратился он к памятнику. — По закону военного времени. А то Гвидоша никогда не простит, должок у меня имеется, ясно тебе?

Фридрих безмолвствовал. Юлий Шварц подошёл к «опелю», открыл дверь и швырнул копыто под пассажирское место.

— А тебе другой прилепят, понял?

Федька уже заводил двигатель, рекогносцировка была завершена. Юлик решил попрощаться с памятником и подвёл утешительный итог визита:

— Отольют тебе новое копыто как положено и приварят. Так что стой пока и не заваливайся. А то придавишь кого, не дай бог...

«Опель» фыркнул, выпустил вонючее облако отработанного газа и тронулся с места. Проехав метров сотрок, Федька внезапно дал по тормозам.

— Ты что? — удивился Шварц. — Забыл чего?

— Ага, забыл, товарищ лейтенант, — ответил Сухотерин и состроил хитрую морду. — Щас вернусь. Вы только в машине сидите, ага?

Он обошёл «опель», открыл багажник и вытащил противотанковую гранату. Взвесил на руке, глянул на Фридриха, ухмыльнулся и выдернул чеку. Затем что есть сил размахнулся и запустил гранату в памятник. Сам же отскочил за «опель» и присел. Через несколько секунд раздался оглушительной силы взрыв. Юлик подскочил на своём сиденье и обернулся. Сквозь облако пыли он увидел, как медленно заваливается набок изуродованный взрывом Фридрих Освободитель вместе со своим бескопытным конём, как тяжело грохаются на площадный булыжник доблестный рыцарь и его освободительный меч, как переламывается пополам его крестonosное тело и куски отлетают в сторону от безголового коня, падая на обломки кирпичной кладки и битой черепицы...

Сухотерин вскочил на ноги и громко заржал, тыча пальцем в то, что осталось от бронзового памятника:

— Видали, товарищ лейтенант, как я его ловко? Теперь уж точно ни на кого не завалится, а то ишь выставился, как у себя дома! Теперь тут наш дом, русских, да, товарищ лейтенант? — Федька снова душевно хохотнул и захлопнул крышку багажника. — Ну что, едем?

Шварц молча смотрел, как садится обратно на руины сорванная с них взрывом пыль.

— Ты что же наделал, гадёныш? — тихо спросил он водителя, уперев в него глаза. — Под трибунал захотел?

Тот сжался:

— А чего, товарищ лейтенант? Вы ж сами сказали, чтоб не задавил кого. И ещё это... У меня ж граната осталась одна, неполюванная, противотанковая, а я ни разу так и не попробовал гранат-то этих. А против танков теперь нам для чего? Ну, я подумал, чтоб добру не пропадать... а тут этот как раз подвернулся. — Он испуганным кивком указал на заваленную скульптуру. — Фридрих ваш этот. Ну я его и того... положил наземь, в общем... Думал, одобрите... — Внезапно он выдавил испуганную улыбку. — Война ж... дело весёлое ведь, все так говорят. А?

— И гадёныш, и придурок заодно, — обречённо промолвил лейтенант и сплюнул в пыль. — Тебе б на кладбище работать, могильщиком, а тебя, идиота, людям жизнь налаживать оставили. — Он круто развернулся. — Ладно, заводись. Валим отсюда, пока не поздно...

Автомобиль снова фыркнул синим и покатил прочь от поверженного Освободителя к месту размещения будущей городской комендатуры, чтобы оттуда начать налаживать мирную жизнь недобитым Гвидоновыми снарядами краммовчанам.

За время работы Джона Харпера на советскую разведку близняшкам Присцилле и Патриции Харпер удалось навестить родителей трижды. Первый раз — в ноябре—декабре сорок третьего, когда Джон, присоединившись к посольскому дипкорпусу, присутствовал на Тегеранской конференции. Реализуя двойную задачу от двух хозяев, ему удалось вывезти девочек в Москву, а оттуда уже перебросить в Сочи, чтобы они повидали мать. Сам же улетел в Тегеран. Нора, ни разу к тому времени не покидавшая Советский Союз, просто не могла не быть в курсе произошедших в их

с Джоном жизни перемен. Она знала бóльшую часть правды, прекрасно осознавая роль заложницы жизни своей и мужа. А это значило, что и детей, если размотать всю эту дьявольскую цепочку, начиная от момента вежливого предложения сотрудников НКВД. Контроль за её жизнью вёлся круглосуточный, соглядатаи откровенно не маскировались, да и не было теперь уже особого смысла в этих играх: обе стороны досконально знали правила и неукоснительно придерживались их, стараясь не нарушать шаткого равновесия. Отсутствие супруги в Москве Джон объяснял ухудшающимся самочувствием Норы, которая нашла для себя лучший в мире климат — Черноморское побережье в районе примыкающей к Сочи и Кавказу курортной Хосты, славящейся чистейшим воздухом и бесподобными лечебными грязями. Как долго продержится эта легенда, Харпер доподлинно не знал, но чутьё разведчика подсказывало, что край уже виден, уже мерцает и не исключена ситуация, когда в недалёком будущем придётся переквалифицироваться в перебежчики. Не головой — кишками ощущал он слабые, но настойчивые сигналы изнутри.

Однако чем дальше заходило дело и чем больше Джон Ли Харпер приносил реальной пользы своим новым опекунам, тем чаще он ловил себя на мысли о том, что мир отчего-то меняется, мир приобретает новые устойчивые формы, мир не принадлежит больше Западу, мир постепенно перетягивается на Восток, медленно, но уверенно приоткрывая для себя новые, не запятнанные бесчеловечным капитализмом человеческие горизонты. И потом. Он ничего не мог с собой поделаться. Да и не хотел уже. Ему отчего-то нравились эти странные русские: их душевная широта и непривычная стеснительность, глуповатая щедрость и наплевательская бесшабашность в быту, умение вникать в дело, когда того требует жизнь, и доводить себя в работе до исступления и полной самоотдачи. И их Сталин, наконец, — ведь и верно, кумир! Идол! Вождь

вождей! Жестковат порой, но и время такое, мир на пороге следующей войны, это уже предельно ясно. Причём войны, где победителей не будет, а если и будут, то только не раздувшийся от самомнения бульдог Уинстон и не кентавр этот немощный, Рузвельт. Ну и водка, наконец! Настоящая русская водка!

В первый раз девочки пробыли недолго, дней восемь или около того. Улетали домой вместе с посольскими, также добиравшимися в Тегеран через Москву. Пока ждали отца обратно, Нора каждый день сходила с ума от счастья. Носилась с дочками с утра до вечера, возила на водопады под бдительным присмотром «русских слуг». Объездили всю округу, говорили, говорили, говорили не умолкая... Девочки рассказывали о дедушке Мэттью, как он хорошо их воспитывает в отсутствие торгпредовской родительницы. Три года, считай, не виделись. Папа-то порой приезжает-уезжает, приветы-подарки доставляет от черноморской мамы.

— А когда обратно, мамочка? Когда домой, к дедушке?

— Не знаю, девочки мои, не знаю пока. Слишком серьёзная работа у папы, война идёт, а кто ему поможет, если не я? И лечение моё пока не завершено. Болезнь лёгких и суставов довольно серьёзная штука, требует особого климата. А тут, на Кавказе, все самые знаменитые русские писатели исцелялись. Здорово? И кстати, следующее лето — целиком здесь. Вместе, да? И папа постарается от дел своих чаще освобождаться и прилетать к нам. Вам тут нравится?

Им нравилось: хотя и море в Брайтоне есть, и всё остальное, но нет такого ботанического сада, с фикусами разными, кипарисами, эвкалиптами, вечнозелёными пальмами какими-то и развесистыми магнолиями. Там же нашлось место и олеандру, и камфарному дереву, и японскому банану, и сказочному пробковому дубу. А последние розы, как оказалось, вообще отцвели только в декабре. А ещё обнаружили потря-

сающие каскады водопадов, срывающихся с высоких уступов гор, с тенистыми ущельями и таинственными пещерами.

А само море — другое, лучше, чем их залив, запах сильнее, водорослями пахнет по-особому. И камешки гладенькие такие, окатыши, галечка разноцветная, а не этот противный песок, который набивается в трусы и потом его оттуда не вытащить. И рыбёшки такие маленькие, бычки, ужасно вкусные, которых садовник Василий Николаевич, хоть и зима, наловил и зажарил на сковородке, с хрустящей корочкой, и все они ели бычков на холодных камнях пляжа, прямо с горячей сковородки. А у масла из семечек тоже совсем другой аромат, очень сильно и вкусно ударяет в нос, когда шипит на сковороде под ловкими руками мамино садовника.

За дни пребывания успели схватить и от русского языка — смешно так получалось: «Васыли Николаевич — наш садовник. Алекс Владимириович — мамьин водытэл, йес? Спокойнее нотчи, тиотиа Таниа, райт?» А они: Василий Николаевич, он же капитан НКВД Зернов, Алексей Владимирович, он же старший лейтенант НКВД Харлампиев, и красавица-горничная Таня, она же младший лейтенант одноимённого ведомства Татьяна Гражданкина, — и правда искренне рады были визиту этих симпатичных девятилетних Харперов-близняшек — больно уж девчонки были забавные, разжатые донельзя, в отличие от наших-то, любопытные такие, всем интересуются, во всё носики суют, лопочут по-своему — не остановишь, даже младший лейтенант Гражданкина, уж как языку их наддресирована, и то не сразу лопоту эту девчоночью схватывала, хотя и виду не показывала, что не всё сечёт. Правда, что сечёт всё остальное, тоже не показывала, само собой. Кроме одного — в силу особых инструкций младшему лейтенанту Гражданкиной предписано было оказывать в подходящих ситуациях «специальные женские» знаки внимания в отношении мисте-

ра Харпера, исходя из предположений о возможности ответного «мужского» интереса со стороны контролируемого объекта. Такое предписание базировалось на вероятности укрепления позиций НКВД с целью возможного шантажа объекта в качестве дополнительного средства влияния. Однако к подобному средству прибегнуть не получалось вплоть до самого последнего периода пребывания Харперов под крылом органов. Повышенная улыбчивость горничной Тани, весьма прозрачная демонстрация девичьих намерений и увлажнённый искоркой желания быстрый взгляд так и не были предметно зафиксированы объектом ни разу. Джон обожал жену, Нора, в свою очередь, любила Джона как ненормальная, пребывая в абсолютной уверенности, что мир целиком, с какой стороны ни взглянуть, нуждается в услугах её мужа благодаря его исключительным талантам суперразведчика.

Да и бригада НКВД к Норе, в общем, относилась по-человечески, можно сказать, даже за свою отчасти держали. Тем более что успехи в изучении русского языка превзошли даже её собственные ожидания. А главное, ей нравилось впитывать в себя понемногу, не спеша эти загадочные буквы и слова, чуть гортанные, чужие, но неожиданно становящиеся мягкими и необыкновенно упругими. Потихоньку попыталась переводить. Пошло... Обложились книгами, учебниками и целыми днями, когда отсутствовал Джон, читала, читала, впитывала, правила ошибки, сравнивала тексты, однажды попыталась даже перевести из поэзии. Получилось немного смешно, но неплохо.

В дни, когда наезжал муж, «обслуга» мобилизовывалась, действия команды становились отточенно-выверенными, улыбки приобретали выражение заинтересованной, но заметно отстранённой вежливости. Это не касалось лишь Тани, а донесения в центр активизировались и дублировались многократно на дню.

Но необходимости в таком тотальном контроле за Харперами со временем становилось всё меньше и

меньше, — это понимал и Джон, это понимали и его руководители с советской стороны. То, что удалось сделать Джону за эти годы, не подлежало взвешенной оценке. С помощью Харпера в центр британской разведки было запущено такое количество информации, ни разу не вызвавшей за всё время работы сомнений с «вражеской» стороны, что подозревать Харпера в двойной игре было уже просто бессмысленно. Это в первую очередь касалось как текущих военных планов русских, так и послевоенных задумок Сталина по переделке мира. Запускалась также «добытая с трудом» информация и об обстановке внутри политбюро, о существующих внутренних противоречиях и противоборствах ставленников и претендентов: «...запах украинского борща, — писалось в донесениях, — сменил шашлычный дух...»

Кроме того, с помощью Джона была выявлена настолько мощная английская разведывательная сеть, да ещё сотрудничавшая с американцами, что никакая двойная игра самого глубоко законспирированного агента не смогла бы компенсировать чудовищные потери западных разведок от развала многолетней налаженной схемы по борьбе с мировым коммунизмом.

И с «той» стороны дела в отношении Джона Харпера обстояли не хуже. Никому из руководителей британской разведки и причудиться не могло, что «торгово-представительская» работа одного из главных добытчиков важнейших «разведданных», опытного разведчика, безостановочно «вербующего» ценнейших агентов влияния в Советском Союзе, может быть прервана по какой-либо причине.

Затем был второй визит, и он уже пришёлся на лето: настоящее, южное, сочинское, с купаньем, загораем и умираньем ото всех способов наслаждения черноморской жизнью.

Был и третий, заключительный период пребывания Норы и Джона Ли Харперов в хостинском доме НКВД, незадолго до Победы сорок пятого, когда в кон-

Содержание

Книга первая	
ПАСТУХ ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА	7
Книга вторая	
ДЕТИ КОЛОНИИ «ЖИЖА»	283
Эпилог	568

Ряжский Г.
Р 98 Колония нескучного режима : роман / Григорий Ряжский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 576 с. — (Азбука-бестселлер. Русская проза).

ISBN 978-5-389-11445-6

Все началось с того, что два неразлучных друга — Юлий Шварц и Гвидон Иконников, в будущем художники-академики, а до июня 1941 года юноши из интеллигентных семей, вернувшись с большой войны, на которую ушли добровольцами, селятся в калужской деревне, подальше от суеты московской. И постепенно «колония», как они в шутку прозвали свое новое место жительства, делается полюсом мира, откуда тянутся нити в послевоенную и современную Англию, за кулисы секретных служб, на холодные острова ГУЛАГа, в Москву, на Красную площадь во время чехословацких событий, — в прошлое, настоящее, будущее.

Роман Григория Ряжского — остросюжетная семейная сага, где, как в магическом фонаре, сменяются времена и страны, жизнь противостоит смерти, а правда человеческих чувств ценнее всех сокровищ земных.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ГРИГОРИЙ РЯЖСКИЙ

КОЛОНИЯ НЕСКУЧНОГО РЕЖИМА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.07.2016. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 28,08. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

HBLP1947401R